

Магия и философия в истории культуры: от Эмпедокла к Витгенштейну

В статье исследуется взаимосвязь магии и метафизики в истории культуры от Эмпедокла к Витгенштейну. Также рассматривается отношение Л. Витгенштейна к метафизике как особого рода магии.

Ключевые слова: магия, метафизика, «болезнь языка», Эмпедокл, Платон, Аристотель, Парацельс, М. Вебер, Л. Витгенштейн.

Решение философской Проблемы
можно сравнить с подарком в волшебной сказке:
в заколдованном замке он кажется таким прекрасным,
при свете же дня оказывается всего лишь
куском обыкновенного железа.

Л. Витгенштейн

Цель данной статьи – рассмотреть историческую и логическую связь между магией и философией, о которой говорил Л. Витгенштейн. Также рассматривается его отношение к «болезням языка», особенно языка философии, и решению философских проблем.

Замечание Л. Витгенштейна о тесной связи магии и философии согласуется с историей философии. Теоретический и практический интерес к магии мы встречаем уже в древнегреческой философии. Этому интересу способствовали как межкультурные коммуникации в процессе колонизации малоазийского побережья Средиземноморья, так и общение с древнеегипетскими жрецами. По свидетельству Диогена Лаэртского, Эмпедокл колдовал, он получил прозвание «Запретитель ветров», мог управлять погодой, изготавливать лекарства и воскрешать мертвых. Возможно, Эмпедокл считал, что может научить искусству магии другого человека. Один фрагмент из Эмпедокла звучит почти как рекламное сообщение: «Сколько ни есть лекарств от болезней, защиты от старости, ты узнаешь их все, ибо я исполню всё это для одного тебя. Ты прекратишь неутомимые ветры, которые налетают на землю и губят своим дыханием нивы. А если захочешь, то наведешь и ветры возмездья. Из черного ливня ты сделаешь людям своевременное ведро, а из летней засухи ты сделаешь древопитающие потоки, обитающие в эфире. Ты вернешь из Аида умершего человека» [15]. «Кроме того, были и собственные культурные корни для занятий такого рода. Пифагор и Эмпедокл были связаны с традицией греческого шаманизма» [5].

Слово *favrtakon* имело у греков три значения: лекарство, яд и колдовские напитки, зелья и колдовство. Платон в диалоге «Законы» говорит об отравителях, о том, что они могут нанести вред с помощью ворожбы, заклинаний и так называемых магических узлов – «*katadevsei*». При этом он не высказывал определенного мнения о природе колдовства: «Трудно узнать, что происходит в подобных случаях; впрочем, даже если кто и узнает, трудно убедить в этом других» [9]. Несмотря на это, Платон считал, что прибегший к колдовству, если он делает это профессионально, должен караться смертной казнью [Там же]. Платон говорил, что нечестие – основа колдовства» [Там же], а его следствие – развращение людей и го-

* Елена Валентиновна Белоусова, канд. культурологии, доцент кафедры философии, биоэтики и культурологии, Уральский государственный медицинский университет (г. Екатеринбург).
E-mail: elena-valentinovna@mail.ru

сударства. «Тем же, которые, кроме того, что не признают богов и их промысла или считают их умолимими, вдобавок еще уподобляются животным и, презирая людей, обольщают некоторых из них при жизни, уверяя, будто могут вызывать души умерших, или, обещая склонить богов посредством жертвоприношений, молитв, заклинаний и колдовства, пытаются ради денег в корне развратить как отдельных лиц, так и целые семьи и государства, – им, оказавшимся виновными в чем-либо подобном, пусть суд назначит наказание в виде заключения в тюрьму, находящуюся посреди страны» [9]. Сразу вспоминается обвинение Сократа, а также изображение его как некроманта у Аристофана.

Аристотель посвятил исследованию магии специальный трактат «О магии». К сожалению, из него нам известно лишь то, что «персы магией не занимались». В этом можно усомниться, поскольку само слово *mageia* имеет своим источником название персидского (зороастрийского) жреца, или *magoi*. Однако само обращение великого древнегреческого философа к теме магии свидетельствует о том, что представители интеллектуальной элиты различали в магии особое явление. В седьмой книге Физики Аристотель заявлял, что всякая альтерация телесная (т. е. переход тела из одного в другое состояние, как то из здоровья в болезнь или из болезни в здоровье) сводится к местному перемещению тел в пространстве. К этому перемещению Аристотель относил перемещение небесных тел, т. е. ставил тело человека в зависимость от небесных светил. Аристотель, кроме того, заявил о «силе скрытой в глазах» и о дурном влиянии глаз (особенно старых и больных). Аристотель полагал, что дурной взгляд в глаза ребенка приводит к нарушению пищеварения в организме этого ребенка и он гибнет вследствие нарушения питания.

Отношение многих античных интеллектуалов, таких как Секст Эмпирик или Плиний Младший, к магии как искусству было скептическим. Магия – это суеверие и предрассудок, искусство обмана. Философ Феофраст (IV–III вв. до н. э.) в работе «Характеры» иронически описывал действия суеверного грека: «Если ласка перебежит дорогу, то он подождет, пока кто-нибудь другой не пройдет или пока сам он не перекинет три камешка через дорогу. Увидев у себя дома змею, если это священная змея, тотчас сооружает жертвенник герою. Если по дороге услышит крик совы, то не идет дальше, не воскликнув: “Со мной Афина – владычица!” <...> Завидев помешанного или припадочного, он в ужасе плюет себе за пазуху» [10]. С другой стороны, сами философы были причастны к магии (возможно, пифагорейцы и киники). Известно также обвинение Люция Апулея, знаменитого автора «Метаморфоз», в колдовстве.

В эпоху эллинизма неоплатоники создают высокую форму магии, резко отличную от магии низовой, народной. На рубеже III и IV веков н. э. в трактате философа-неоплатоника Ямвлиха «О мистериях египтян» впервые появляется философская интерпретация магии, обозначаемой термином «теургия». Среди теургов были даже главы школ: Ямвлих (основатель и глава сирийской школы неоплатоников), Плутарх (основатель и глава афинской школы). С этого времени начинается эволюция магического искусства как целостной дисциплины, содержащей как эмпирическую, так и теоретическую части [8].

На первый взгляд отношение к магии в эпоху Средневековья совершенно негативное. Магия в лучшем случае суеверие, в худшем случае – ересь. Христианские теологи трансформировали античных *daimones* в демонов, падших ангелов. Именно христианство проводит резкую грань между магическими и религиозными, общественными ритуалами. Но в реальности всё не было столь однозначно. Изначально в средневековой философии и церковных уложениях превалирует следующий взгляд: подлинных соматических нарушений в теле под воздействием колдовства не наступает, а все изменения лишь кажущиеся. В «Епископальном

каноне», написанном в IX веке, говорится, что полеты по ночам развратных женщин на различных животных с языческой богиней Дианой являются иллюзиями и фантазиями, внушенными демонами. Со временем нарастает мнение относительно реальности порчи. На закате Средневековья и в эпоху Ренессанса вред, наносимый ведьмами людям и скоту, в представлении ученых мужей-богословов, становится всё более реальным и значимым.

На Базельском соборе в 1441 году было решено считать возможным околдовывание. Инквизиторы неустанно разыскивали ведьм, а протоколы всё чаще дополнялись многочисленными примерами околдований, всеобщий ужас перед ведьмами возрастал, что неудивительно, ведь теологи, правоведы и философы того времени находили множество случаев насылания порчи. Самые яркие из них можно найти в трактате «Молот ведьм» Инсистериса и Шпренгера. В 1487 году совет из шести профессоров Кельнского университета во главе с Ламбертом де Монте постановили считать верными его положения.

Не столь однозначным было отношение к магии как искусству. Св. Августин в книге «О граде божьем» говорит о том, что колдуны могут достигнуть много удивительного посредством своего искусства. В Средневековье, несмотря на резко отрицательную догматическую оценку, сохранялся магический праксис в различных формах. Некромантия не относилась к разрешенным видам колдовства (maleficiu[m]). В середине XV века в «Указании» Иоханнеса Нидера перечисляются т. н. разрешенные виды maleficiu[m] (malefica licita). В эту категорию были введены: пиромантия, гидромантия, хиромантия, скопиломантия, астрология, амулеты; по сути дела, к разрешенным maleficiis отнесли все виды гаданий. Тем не менее, образованные, самолюбивые, но занимающие низкую ступень в иерархии Римской католической церкви священники тайно занимались даже некрומантией [16].

Поэтому увлечение «естественной магией» многими ренессансными гуманистами, такими как М. Фичино и Парацельс, вполне совпадало с логикой развития западноевропейской культуры. Одно из обвинений, предъявленных Дж. Бруно, состояло в том, что он занимался черной магией. Создатель трактата по магии «Окультурная философия» Агриппа Неттесгеймский избежал его участи, но стал прообразом доктора Фауста.

Ситуация меняется в эпоху Нового времени. Прекращают гореть костры инквизиции. Человек понимается как субъект, прежде всего, рационального научного познания. Научная революция, происшедшая в XVII веке, сделала магию вкупе с алхимией и астрологией неуместной и ненужной. Работы астрономов и физиков от Тихо Браге до Ньютона породили как новое восприятие вселенной, так и новый, строгий научный подход. Эта новая постньютоновская эра стала веком науки, рационализма и просвещения. Особенно эпоха Просвещения – это время, когда магия, кажется, окончательно превращается в культурную маргиналию. Хотя не всё было столь однозначно. Например, Дж. Беркли полагал, что именно он открыл «универсальное лекарство» от всех болезней, наподобие *Arhidoxa Medicinae* или Эликсира жизни Парацельса.

Новоевропейская философия, кажется, окончательно отстраняется от магии, закрепляя понятие «естественной религии». И. Кант достаточно осторожно говорит о природе магии, вынося ее за границы возможного научного познания. Г. Ф. Гегель определяет место колдовства в развитии духа: «Самая первая форма религии, именуемая нами колдовством, состоит в том, что духовное есть власть над природой; однако это духовное еще не наличествует в качестве духа, еще не есть в своей всеобщности, это – лишь единичное, случайное эмпирическое самознание человека» [4, с. 433–434]. Таким образом, магия понимается как первая форма религии, естественной религии. Связывая магию с процессом развития са-

мосознания, Гегель замечает, что для обладания мощью магии человеку необходимо перевести себя в более высокое состояние. Это – дар особенных людей, которые обучаются всем способам и средствам осуществления магической силы.

В конце XVIII века и далее в XIX веке интерес к магии и оккультизму возрождается с новой силой. Причинами тому были, в частности, философские искания членов тайных обществ (розенкрейцеры, иллюминаты, масоны). Древние учения становятся теоретической основой спиритизма и теософии как новых форм оккультизма. Так, масоны искали философский камень, способный исцелять «прокаженные» металлы, превращая их в благородные металлы, а кроме того, универсальной панацеи, или жидкого золота, врачующего все болезни и дарующего бессмертие.

Но магистральным в развитии культуры являлось то, что М. Вебер охарактеризовал как «великий историко-религиозный процесс *расколдовывания мира*» [1, с. 143]. Господствующая установка в культуре западного модерна была связана с тем, что для бытия в реальном мире достаточно секулярных институтов и рационального объяснения. Научное изучение магии развивалось в рамках этнографии и культурной антропологии в контексте исследования первобытной культуры.

Заметки Л. Витгенштейна о *магии как форме жизни и языковой игре* также стали философской рефлексией над рождением нового, неклассического подхода к магии. Магия рассматривалась им как форма жизни, языковая игра, возможная в любом обществе и в любой культуре. Вместе с тем он проводит аналогию между магией и метафизикой. Рукопись, составившая первую часть заметок Л. Витгенштейна о «Золотой ветви» Дж. Фрэзера, начиналась словами, позднее вычеркнутыми философом: «Я полагаю теперь, что было бы правильно начать мою книгу с заметок о метафизике как особом виде магии. Но в них я не должен ни говорить в защиту магии, ни высмеивать ее. От магии должно быть удержано глубокое. Да, исключение магии само носит магический характер. Ибо, когда раньше я начинал говорить о “мире” (а не о дереве или столе), я не хотел ничего иного, как заклинать своими словами что-то высокое» (цит. по: [12]).

Л. Витгенштейн неоднократно проводил аналогию между философствованием (метафизикой) и первобытно-магическим способом мышления. «Когда человек может вообразить, что в механизме в каком-то загадочном смысле содержатся уже все его возможные движения? – Тогда, когда он философствует. А что приводит к тому, чтобы думать подобным образом? – Тот способ, каким мы говорим о механизме. Мы говорим, например, что механизм *имеет* такие-то возможные движения... *Возможные* движения, что это такое?.. Это может быть что-то вроде тени настоящего движения. Когда мы занимаемся философией, мы подобны диким, первобытным людям, которые слышат выражения цивилизованных людей, интерпретируют их ошибочным образом и извлекают из них престранные выводы» [Там же].

Следующее высказывание Л. Витгенштейна, как кажется, следует аристотелевской традиции отстраненной замкнутости, умозерцательности, бездеятельности философии: «Философия никоим образом не может вмешиваться в употребление языка. Она оставляет все, как есть» [1]. Но в другом произведении мы читаем: «То или иное выражение следует иногда извлекать из языка, и, очистив, его можно снова вводить в обращение» [2]. Здесь нет противоречия, если сравнить слова философа с позицией психоаналитика во время сессинга. Можно провести параллель между катаргическим методом Брейера–Фрейда и методом Витгенштейна, тем более что аналогии между психоанализом и аналитической философией проводились неоднократно. Известно, что поздний Витгенштейн называл Фрейда своим учителем.

Л. Витгенштейн своеобразно возрождает идею самой влиятельной фигуры натурмифологической школы XIX века – М. Мюллера. Макс Мюллер, немецкий профессор, обосновавшийся на всю жизнь в Оксфордском университете, считал, что мифология, «конечно, не значит того, что она как будто значит». Для установления того, что миф «значит», Мюллер сочетает натурмифологическое толкование с теорией, согласно которой миф – это своего рода «болезнь языка». Он утверждал, что «мифология неизбежна; мифология естественна; это врожденная необходимость языка, если признать язык внешней формой и проявлением мысли; по сути – это теневой покров, который язык набрасывает на мысль и который не может исчезнуть до тех пор, пока язык не станет полностью соразмерен с мыслью, – чего не произойдет никогда» (цит. по: [14, с. 23]).

Сможет ли философская рефлексия сорвать этот теневой покров, достанет ли философу воли и смелости? В. Руднев видит возможность излечения болезней языка на пути к довербальному опыту и дзенскому мышлению. «Философ-аналитик прибегал к тем же приемам, что и психоаналитик-практик, т. е. сочетал утонченную рассудочность на поверхности и глубинную интуитивную аналогичность, как это делает дзенское мышление... Не логика, а симуляция, т. е. моделирование логики, сопровождающееся назойливым повторением одних и тех же квазилогических предложений – “мантр”, заставляющих зачарованного читателя в какой-то момент перестать думать об этом анализе и погрузиться в некую иную – не логической природы – ментальную стихию и в этот момент осознать, что стоит за словами, понять их невыразимый смысл» [11, с. 154].

На наш взгляд, Витгенштейн «околдован языком», как околдованы им многие маги, поэты и философы. Но он же видит «ловушки» и «болезни» языка. З. А. Сокулер отметила терапевтическое отношение Витгенштейна к философским проблемам: «Недаром он говорит о философских болезнях и формулирует задачу своего философствования как терапевтическую. Говоря о шишках, которые набивает рассудок, бьющийся в плену философских псевдопроблем, о борьбе с околдованностью нашего сознания нашим языком, Витгенштейн подчеркивает, что философские проблемы... отличаются мучительностью, навязчивостью и безысходностью. Углубление в них сопровождается чувством того, что попадаешь в плен, бьешься, как муха о стекло... Философская проблема имеет вид: “Я не знаю, как из этого выбраться”» [13, с. 137]. Как же из этого выбраться?

О своих занятиях философией Витгенштейн говорил следующим образом: «Занимаясь философией, человек принужден смотреть на понятия определенным образом. То, что делаю я, – это пробую или даже ввожу другие способы их рассмотрения, предлагаю варианты, о которых вы даже не думали» [7, с. 54]. Или: «Что касается меня, то я открываю новые сравнения» [2]. Лингвистическая терапия может быть как аналогом психоаналитической практики погружения в довербальный опыт, так и аналогом практики «проговаривания» проблемы, возвращения в прошлое, в детство, которое в свою очередь можно рассматривать подобно «заговариванию» в мифопоэтической форме.

Интересно в связи с этим вспомнить, что новаторство А. С. Пушкина состояло именно в новой сочетаемости известных языковых элементов: «нет, не будем клеветать разума человеческого, неистошимого в соображениях понятия, как язык неистошим в соображениях слов» (см.: Материалы к «отрывкам из писем, мыслям, замечаниям»). Еще одна ассоциация с поэтическим творчеством возникает при чтении следующего высказывания Витгенштейна: «Философствуя, следует возвратиться в старый хаос и хорошо почувствовать себя там» [Там же]. Этот поворот, возвращение, – важнейшая особенность стихотворной речи. «Универсальным структурным принципом поэтического произведения является принцип воз-

вращения» [6, с. 49]. Философия, как форма высокой культуры, возвращается к магии, открывая в ней и в себе что-то новое.

В заключение хотелось бы привести слова Л. Витгенштейна: «Полагаю, что мое отношение к философии суммарно можно выразить так: философию, по сути, можно лишь *творить*» [2].

Литература

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. – М. : Прогресс, 1990.
2. Витгенштейн Л. Культура и ценность // Витгенштейн Л. Философские работы. – М., 1994. – Ч. 1. – § 100, 128, 206, 368.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. – М., 1994. – Ч. 1. – § 124.
4. Гегель Г. Ф. Философия религии. – Т. 1. – М. : Мысль, 1976.
5. Егоров А. С. Эмпедокл и проблема греческого шаманизма // Вопросы философии. – 2007. – № 8. – С. 97–105.
6. Лотман Ю. М. Природа поэзии. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Ч. 1 // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – СПб., 1996.
7. Малкольм Н. Л. Витгенштейн: воспоминания // Витгенштейн: Человек и мыслитель. – М., 1993.
8. Петров А. В. Эволюция магии на пути к усвоению ее платонической философией // Материалы и исследования по истории платонизма : межвузовский сборник. – Вып. 3. – СПб. : Akademeia, 2000. – С. 130.
9. Платон. Законы // Платон. Собр. соч. : в 4 т. – Т. 4 / пер. с древнегреч. Л. Н. Егунова. – М. : Мысль, 1994. – 908a-d, 909b, 932e-933a, 933c-e.
10. Режабек Е. Я. Магический ритуал в индоевропейской традиции // Режабек Е. Я. Мифомышление (когнитивный анализ). – М. : Едиториал УРСС, 2003. – С. 213.
11. Руднев В. П. Лингвистическая терапия // Руднев В. П. Словарь культуры XX века. – М. : Аграф, 1997.
12. Сокулер З. А. К публикации перевода Витгенштейновских заметок о «Золотой ветви» Дж. Фрэзера // Историко-философский ежегодник – 1989. – Вып. 4. – М. : Наука, 1989. – С. 249.
13. Сокулер З. А. Л. Витгенштейн и его место в философии XX века : курс лекций. – Лекция 7. – URL: <http://pandia.ru/text/78/395/81275.php>
14. Стеблин-Каменский М. И. Миф. – Л. : Наука, 1976.
15. Эмпедокл // Фрагменты ранних греческих философов. – Ч. 1. – М., 1989.
16. Bailey M. D. The Meanings of Magic // Magic, Ritual and Witchcraft. – 2006. – Vol. 1, № 1 (Summer). – P. 1–24.

Elena Valentinovna Belousova,

Candidate of Culturology, Associate Professor
at the Chair of Philosophy, Bioethics and Culturology,
Ural State Medical University (Ekaterinburg)

Magic and Philosophy in History of Culture: from Empedocles to Wittgenstein

The article explores the interrelations between magic and metaphysics in history of culture from Empedocles to Wittgenstein. L. Wittgenstein's attitude toward metaphysics as a special sort of magic is also presented.

Key words: magic, metaphysics, "language illness", Empedocles, Plato, Aristotle, Paracelsus, M. Weber, L. Wittgenstein.